

Травка для королевского паштета

Исполнилось 200 лет со дня рождения Вильгельма Гауфа

**Федор ВИНОГРАДОВ,
для «Новых Известий»**

*«Утренняя заря предвещает мне
раннюю смерть...».*

*В. Гауф.
«Утренняя песня всадника».*

Среди младшего поколения немецких романтиков Гауф оказался самым молодым; его «старшими» современниками можно назвать Новалиса и Вильгельма Мюллера, которые умерли в возрасте 29 и 33 лет, — жизнь Гауфа оборвалась в двадцать пять. Из них чуть менее трех лет принадлежали писательской жизни.

Из рассказов первых биографов Гауфа его фигура предстает перед нами в странной ипостасной двойственности. Один Гауф — студент-геолог Тюбингенского университета, вожак союза буршей, шумно пировавших и сражавшихся на дуэлях, неутомимый энтузиаст в поисках развлечений, одно из которых состояло в том, чтобы за ночь поменять во всем городе вывески магазинов, он же — автор полюболюбившихся многими любовных серенад в духе «швабской школы»; другой — синеглазый созерцательный юноша, укравший от суеты мира за стенами браменского погребка, где, опорожняя один за другим бокалы выдержанного вина, с диогеновским сарказмом иронизирует над оставшимся на поверхности миром. Приходя домой, этот мыслитель рассказывает своим воспитанникам удивительные сказки — сказки, по глубине философского осмысления непревзойденные его современниками и ныне поставленные в один ряд с шедеврами Андерсена и Уайльда...

Необычайно короткая творческая биография писателя также кажется довольно странной. История издания первого же романа Гауфа — «Человек с Луны» кончилась судебным разбирательством. С удивительной смелостью автор разделался с дешевой беллетристической тех дней, опубликовав роман под фамилией Клаурена — псевдонимом берлинского советника Карла Хойна,

ставшего преуспевающим сочинителем сентиментальных романов. Герой книги Гауфа, как бы в подтверждение укоренившейся нецелесообразности мыслить, носит имя «человека с Луны» только потому, что на недолгое время задержался в отеле с этим названием. Гауф с неподражаемым изяществом громил бульварную стряпнину первосортной пародией, в лице Клаурена клейма целое направление тривиальных повествований, заполонивших книжный рынок. И, несмотря на то, что в результате процесса издатель романа был фактически разорен, обвинение Гауфа с высоты времен выглядит более состоятельным.

А всенародная популярность второго романа Гауфа — «Лихтенштейн» — повлекла за собой возведение в 1840 году нового замка на месте средневековых развалин, где и по сей день находится музей Гауфа.

И, наконец, Гауф публикует три выпуска «Сказочного альманаха для сыновей и дочек образованных сословий», которые и принесли писателю бессмертие. В предисловии к восточному альманаху Гауф призывает читателя подняться над мешанкой повседневною и через житейский источник романтизма перенестись в область фантазии и сказки. Но, сам того не замечая, он игнорирует путь, проложенный Брентано, Гофманом и Новалисом, все больше удаляясь от сказки в сторону реального повествования. И здесь мы впервые сталкиваемся с тем, что составляет действительную загадку писателя: это двуплановость, непредсказуемая интонационная параллельность его произведений.

Блестящим «прозаическим» выводом, лишь предисловием к которому послужил увлекательный рассказ, заканчивается история о травке, которая превратила разносчика Якоба в Карлика Носа: из-за этой сказочной травки, служившей приправой к королевскому паштету, началась знаменитая война монархов двух великих держав. «Так часто незначительнейшие события приводят к крупным последствиям», — заканчивает рассказ Гауф. Этой «травкой к королев-

скому паштету» Гауф оказывал позднему романтизму неоценимую услугу! В эти годы обращенный к Востоку Пушкин словно откликается Гауфу: «Сказка ложь, да в ней намек». Намек, вернее, то, что за сказкой, интересовало Гауфа куда больше...

Две жизни — реальная и вымышленная, поразительным образом их взаимное несоответствие и крах человеческих иллюзий получают у романтика-Гауфа куда более философское разрешение, чем у его знаменитых предшественников. Сказка Гауфа — для разочарования в сказке.

Бедный угольщик Петер Мунк проходит через сказочные превращения ценой собственной безрассудной жертвы — залога своего сердца лесному волшебнику — лишь для того, чтобы обрести счастье в возвращении к действительности. Все, что получил Петер, обернулось против него, ибо когда сбылись его желания, у него уже не было сердца, способного переживать ни любовь, ни радости. Тот, кто хотел покорить всю округу и прослыть по Шварцвальду великим танцором и беспроигрышным игроком, падаец ниц, преисполненный единственным

здравым желанием: прекратить свое существование, которое привело его к стольким бедам. Впервые герой Гауфа становится человеком, когда обретает смерть.

Вот где незримо наступает пора отречения молодого Гауфа от романтизма: как ни странно, в сказке! Жизнь — сказка: вот что хочет сказать Гауф-писатель. И Гауф-философ пускается в спор с сочинителем, чередой сказочных «превращений» героев увлекает его по дороге восхитительных метафизических ассоциаций.

Что последует за прочтением латинского манускрипта простодушным калифом Хасидом? Любопытство ведет калифа к проныкновению в тайну, из которой не посвященный не может выйти. Для калифа и визири, судорожно вспоминающих волшебное слово, перестает быть смешным то, что потеряно со смехом. Серьезность их положения — положения жаждавших оторваться от жизни и, будучи наконец оторванными в буквальном смысле, панически боящихся утратить ее — возвращает их к трагедии жизни от сладостного забвения самих себя. И в этом случае курьезно выглядят их спор о выборе заколдованной невесты: калиф, боящийся «сделки вслепую», прочит ее женатому визирию, а визири, превращенный в аиста, видит более смысла остаться аистом, чем жениться на птице.

Автор как может забавляется метаморфозой человеческой и животной сущности: «Кто бы поверил аисту, что он калиф? А если бы кто-нибудь и поверил, разве жители Багдада пожелали бы себе в калифы аиста?». Напущение магической записки проходит мимо сознания незвысказательного калифа: «Однако, будучи превращенным, остерегись смеяться, иначе волшебное слово совершенно исчезнет у тебя из памяти, и ты *останешься зверем*».

Будто в зеркала, превращенные в птиц калиф с визирием узнали в аистинном споре отражение высшего света. Птицы в своем педантичном следовании светскому этикету, с теми же заботами, упражнениями в танце, обсуждением меню на завтрак («четвер-

тушка ящерки или лягушачий филейчик» — в разрытой перед людьми уточенной пародии на утопию человеческой жизни, им казались смешны; зато люди в оперении птиц оказались ничтожны. Калиф и визири могут летать, но они не могут вернуться во дворец в своей нераздельной власти. И в прошлой их жизни мгновенно рассеивается мираж: на четвертый день превращения, сопровождаемый пышным шествием, трон Багдада занял новый калиф. Слава Хасида прошла вместе с призраком минувшей жизни...

«Красоты природы недоступны мне, ибо я слепа днем, — говорит калифу превращенная в сову птирица, — и лишь когда бледный свет месяца озаряет эти развалины, пелена спадает у меня с глаз». День жизни проходит незамеченным — в ночь смерти остается только оплакивать утраченную жизнь. Эта цитата Гауфа читается в любой из его удивительных сказок. Сказка, образ, мечта приходят в мир для того, чтобы *освободить* от себя жизнь. И с ее освобождением жизнь возвращается к прозе, к прозе, которая всегда протекает за рамками книги.

На этом останавливается Гауф. И, видно, потому и оборвалась его жизнь, что все, что имелось сказать, осталось за пределами сказки. Единственный жанр, в котором отсутствует повествование, — безмолвие говорящего. Великое искусство — поверять серебром слов золотом молчания. Позже наряду с сочинением увлекательных новелл Гауф начнет собирать материал о тирольском восстании 1809 года, готовясь писать третий роман — «Андреас Гофер». Но уже не успеет.

В феврале 1827 года Гауф, обретший финансовую независимость благодаря возложенной на него обязанности издания шпугартского «Утреннего листка» и дамского альманаха, женится на своей кузине Луизе. Спустя неделю после рождения дочери Гауфа настигает инфекция триппа, повлекшая за собой воспаление мозга. Внезапная болезнь оборвала его жизнь за одиннадцать дней до 25-летия.